

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2012

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2012

- Захарова Е.П. Коммуникативные категории и нормы // Хорошая речь. Саратов. 2009.
- Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина. М., 2010.
- Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М., 2005.
- Копнина Г.А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М., 2009.
- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб., 2001.
- Лаптева О.А. Теория современного русского языка. М., 2003.
- Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Милехина Т.А. Языковая личность в административном дискурсе // Жанры речи. Саратов, 2011.
- Размахин А. Для реформы языка не хватает революционных матросов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svpressa.ru/society/article/40978/> (дата обращения 26.03.2011).
- Сиротинина О.Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998.
- Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

ДЕЙКТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО : КОНТЕКСТЫ, СМЫСЛЫ, ТОЛКОВАНИЯ

В.А. Лазарева

Ключевые слова: имя собственное, дейксис, референция.

Keywords: proper name, deixis, reference.

Имена собственные (далее – ИС) традиционно трактуются через функциональную специализацию: ИС – «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская, 1998]. Основными для ИС считаются такие характеристики, как: определенность, референтность, идентифицирующая функция, а какие-либо функциональные отклонения принято описывать в терминах «нестандартных» употреблений. Наблюдения и исследования, посвященные функционированию ИС и описанию случаев

нарушения этих трех взаимодействующих параметров, носят, по большей части, разрозненный характер, так что систематизация и обобщение накопленного опыта еще предстоит и, хочется верить, позволит иначе взглянуть на спорные вопросы, связанные с этим классом имен.

В данной статье рассматривается одно из «нестандартных» употреблений ИС, а именно функционирование в составе именной группы (далее – ИГ) *тот ИС* и дейктического комплекса *тот + ИС, который / какой / что ...* Распространенным является мнение о недопустимости дальнейшей индивидуализации ИС путем присоединения ограничителей (как, например, *тот, та* и т.п.). Если же такие ограничители имеются, имя следует считать общим, вследствие его недостаточной индивидуальности [Степанов, 1981, с. 91; Вендлер, 1982, с. 210]. Между тем, такие употребления весьма обычны в обиходной речи, например в ситуации различения тезоименности: *Кто такой Плеханов? Кажется, есть такой министр. Нет, тот – Плеваков. Плеханов, Плеханов... Тьфу, господи! Так это ж тот Плеханов, который марксист! Но Тимофей определенно сошел с ума, этот Плеханов умер в Петрограде в 1918 году (А. Азольский); Вообще-то Мешковых в столице, как оказалось, проживало немало, но я вычислил по году рождения того Мешкова, который был нужен (А. Приставкин)¹ или в ситуации предостережения от ошибочного отождествления разных объектов с одинаковым именем: *Замечу вам, Варвара Алексеевна, что в присутствии я сижу рядом с Емельяном Ивановичем. Это не с тем Емельяном, которого вы знаете. Этот, так же как и я, титулярный советник...* (Ф.М. Достоевский). В сочетании с общеизвестными ИС указательное *тот (тот самый)* употребляется и без ограничительного придаточного. Если тезоименность входит в пресуппозицию высказывания, говорящий, пытаясь установить референцию к нужному объекту, может использовать неполный дейктический комплекс. Ограничительное придаточное отсутствует в силу своей избыточности, а указательное *тот* актуализирует референт через апелляцию к общекультурному знанию о нем: *Так, что здесь еще? Булгаков? Это тот Булгаков? Михаил Афанасьевич?; Почему эта Бунина так обо мне хлопочет? И вообще, кто она такая? Дочь того Бунина? – Нет, она жена нашего Эйдлина (В. Войнович).* В последнем примере все ИС актуализированы местоимениями: указательное *этот (эта Бунина)* маркирует «цитатное» употребление имени, то есть когда сам референт недоопределен*

---

¹ В работе использованы примеры из Национального корпуса русского языка

для говорящего, как видно из развития диалога¹; посессивное *наш* (*нашего Эйдлина*) сужает область приложения имени до личной сферы. ИГ *того Бунина* и *нашего Эйдлина* как бы разводятся по разным концам по линии удаленности (всеобщее, далекое / личное, близкое), что создает определенный комический эффект, умаляя значимость *этой Буниной*.

Указательное *тот*, с присущей ему семантикой удаленности, может задавать инструкцию на обращение к воспоминаниям, если говорящий предполагает слабую фиксированность референта в фонде знаний слушающего: *Шура! – поправил гость, улыбнувшись. – Да, Шура! Все забываю. Все путаю с тем Васей, помнишь? Вася-то был, большой такой, старшиной-то работал...* (В. Шукшин); или даже создавать интерпретационную рамку «воспоминание», как в следующем отрывке, где ИГ *та Маруся* устанавливает анафорико-катафорическое отношение, соответственно, к воспоминаниям автора и к тексту: *Утром мне почтальон принес письмо с родины русско-татарских кровей от сестры. Вся моя боль – там, в русско-татарской моей стране; боль, ненависть, любовь и неясность, все мои Иргизы. Та Маруся, которая упоминается в начале письма, умерла в 920-м году от голодного тифа и ее схоронили в Москве на Донском кладбище, – ее, Марусю Лобачеву, мою Лодку. Сестра писала: – «Сказать мне хочется, что я очень тебя люблю, и что мне очень часто тебя не достает, а теперь после смерти Маруси и еще чаще»* (Б.А. Пильняк). Автор вспоминает далекое прошлое, и сочетание *та Маруся* как раз способствует созданию стилистического эффекта удаленности, нечеткости образа (*та далекая Маруся*) или даже отчужденности говорящего. По мере вспоминания нечеткий образ проясняется, и этот процесс сближения отражается в номинациях: *та Маруся – Маруся Лобачева – моя Лодка*.

Таким образом, указательное *тот* маркирует недостаточную определенность референта, когда необходимо его уточнение (доопределение), например в ситуации тезоименности или в случае слабой закрепленности референта в фонде знания собеседника². В разных контекстах один из компонентов семантики местоимения *тот*, указание на известность или удаленность, может доминировать.

Однако возможности интерпретации предложений с ИС в сочетании с дейксисом не ограничиваются описанными выше. Дейктический

¹ То, что ИС могут входить в состав референтных ИГ с разной степенью определенности, не раз отмечалось исследователями, см., например: [Падучева, Успенский, 1979, с. 352; Падучева, 1985, с. 91; Шмелев, 2002, с. 120, 122].

² О подобном назначении сочетаний *этот ИС* см.: [Июмдин, Бердический, 2006].

комплекс *тот ИС* может не только входить в рему идентифицирующих предложений, указывая на нужный (или ошибочный) референт, но и маркировать наличие разных представлений одного объекта. Например, в ситуации перехода от заочного к очному знакомству сличаются воображаемый и наблюдаемый образы референта, в результате констатация полного несовпадения приводит к отрицанию их тождества: *Василий Алексеевич был пожилой узкоплечий человек, в кепке, в очках, с седящей бородкой – ничего общего с тем Василием Алексеевичем, который рисовался передо мной в маминых рассказах!* (В.А. Каверин).

Более сложным случаем оказывается «расщепление» одного и того же объекта на конкретные «пространственно-временные срезы», «инстанты» [Шмелев, 2002, с. 58–59]. Одним из способов представления «расщепленного» объекта как раз и является дейктический комплекс *тот ИС, который / какой / что ...*: *Ну ладно, бог с ними, с моими баснями! – вдруг посреди рассказа прервал себя Синцов, вспомнив слова старшего лейтенанта и с облегчением подумав о перемене в положении, которая произошла между тем Синцовым, который сидел ночью в избе и выслушивал подозрительные вопросы старшего лейтенанта, и тем Синцовым, что ехал сейчас вместе с Люсиным в Москву* (К. Симонов).

Чтобы понять, чем мотивировано «дуализированное» представление одного и того же объекта и как интерпретировать такие предложения, необходимо обратиться к проблеме тождества и способам его выражения в языке. Полезным для нашего дальнейшего рассуждения оказывается различение двух аспектов тождества: «внешнего» и «внутреннего» (в терминологии И.Б. Шатуновского [Шатуновский, 1996, с. 79–83]).

В естественном языке тождество объекта на разных этапах его пространственно-временной траектории не имеет специальных способов выражения и дано по соглашению. Это так называемое «внешнее», «каркасное» тождество. ИС как раз и являются результатом «каркасного отождествления» по соглашению¹. Это и обусловило их отнесение к «жестким десигнаторам», терминам, обозначающим один и тот же объект во всех возможных мирах, в прагматической концепции С. Крипке [Крипке, 1982, с. 351]. С позиций «внешнего» тождества

---

¹ Заметим, что в этом, и в ряде других характеристик, ИС сближаются с конкретными именами, в основе употребления которых, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «лежит номинативная конвенция, а не конвенция семантическая, то есть договор об именовании, а не договор о значении» [Арутюнова, 1999, с. 24].

объясняется способность человека связывать одно имя с разными проявлениями одного объекта.

Между тем, «в несовершенном зеркале человеческого ума может быть два “отражения” там, где в действительности объект один» [Шатуновский, 1996, с. 55]. С единым объектом действительности могут соотноситься различные субъективные образы, концепты объекта; потенциальным основанием для ошибочного «расщепления» объекта является различие объективных признаков. Возникающая при этом проблема единства личности в разные периоды существования – это уже вопрос философского характера. Соединение разных отражений, образов происходит в мысли, но находит выражение в предложениях тождества естественного языка («внутреннего» тождества, по Шатуновскому). Аналогичным образом, «дуализации единичного» (выражение Н.Д. Арутюновой) предшествует акт сличения актуального, наблюдаемого или релевантного для контекста образа с хранящимся в памяти, привычным, ожидаемым, то есть срабатывает обычный механизм отождествления, идентификации. Различие образов фиксируется в сложной номинации, так появляются *два Синцовых* (см. пример выше), а также *Иван вчерашний* и *Иван сегодняшний*; *теперешняя* и *тогдашняя Кузя*; *Ольга эта и та* и др.: *Но сегодняшний Иван уже значительно отличался от Ивана вчерашнего ...* (М.А. Булгаков); *Только мне – не теперешней, нет, а тогдашней Кузе – приоткрыл он лазеечку в свою жизнь, в свою судьбу, в свое сердце* (Е. Маркова); *Конечно, эта Ольга не имела ничего общего с той, которую я привык видеть раньше. Эта Ольга была тихая, заплаканная и напуганная. Весь лоск куда-то соскочил, повелительные интонации и уверенные манеры куда-то подевались. Но человек-то ведь остался...* (В. Белоусова).

В обычном употреблении ИС, выступая своего рода символом единства, этакой скрепой разных ипостасей, амплуа и кредо личности, отсылает к обобщенному образу референта¹. Необычная для ИС дейктическая и адъективная актуализация сигнализирует об отличном от

¹ Ср. следующие слова С.Д. Кацнельсона: «В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, то есть отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений. Все слова, как единицы языковой системы, выражают нечто общее. Даже собственные имена, которые часто упоминаются в этой связи в качестве исключения, содержат в себе элемент обобщения. Выделяя какое-либо лицо, собственное имя объединяет различные состояния и аспекты его деятельности, различные периоды его физического и духовного развития. Обобщение в данном случае получает направление иное, чем в родовых именах, но из этого следует лишь то, что представленный в родовых словах тип обобщения не универсален» [Кацнельсон, 1965, с. 9–10].

обычного, идентифицирующего, употреблении. Указательное местоимение и адъективы с временным значением отсылают к объекту на конкретном этапе его истории с тем, чтобы актуализировать определенные свойства, признаки¹. Это не противоречит, с одной стороны, обращенности всех дейктических местоимений, как выражающих субстанциональную идентификацию, так и идентификацию качественных характеристик, на экземпляр [Падучева, 1985, с. 133], а с другой – отмечаемому свойству дейксиса (*тот*) «отвоевывать позиции» у признаковой анафоры (*такой*), при необходимой индивидуализации признаков [Арутюнова, 1999, с. 312].

Таким образом, референциальное значение ИС сохраняется («человек-то ведь остался»), но на него накладывается вторичная признаковая семантика, поэтому представляется возможным рассматривать подобные употребления как комбинированный референтно-предикатный тип². В разных контекстах референциальный компонент проявляется более или менее интенсивно, моделируя семантическую интерпретацию.

Итак, достаточно частичного несовпадения наблюдаемого и извлекаемого из памяти образов, чтобы объект из одного превратился в два; минимизация общих черт (*вовсе не похож, совершенно не похож, ничего общего*), характеризующих разные «состояния» одного объекта, перерастает в отрицание тождества [Арутюнова, 1999, с. 283–284]. Более конкретное указание на несовпадающие признаки содержится в придаточном в роли дескриптивной поддержки ИС или в контексте: *Ты меня не забыла? – Нет, – отвечала она, – я не могу забыть оказанной тобой услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя!* (А. Погорельский); *Я... Он начинал с этой буквы почти все фразы, и не это было для Ольги открытием. Это осталось прежним, как родинки на щеке, но кожаная тужурка с наганом на богу, кожаная фуражка со звездочкой и уверенность, которая ощущалась*

¹ Необходимость указать не только на объект, но и на его признаки посредством ИС возникает, например, в уподобляющих номинациях: *Такие люди, как Ваня, не подводят* [Арутюнова, 1999, с. 302] и в предложениях типа: *Сам Паустовский (= такой крупный писатель, как Паустовский) как бы выдал мне санкцию на тот путь, который я сам избрал себе* (Л. Кривенко) [Василевская, 1979, с. 137-138].

² Имеется и иная точка зрения. Так, например, Л.И. Василевская говорит о нереперентном употреблении для ИС, которые отсылают к некоторому лицу и вместе с тем информируют о его свойствах [Василевская, 1979, с. 137-138].

под этой формой, никак не вязались с тем **Владимиром**, когда-то в панике бежавшим из этого дома темной осенней ночью (Б. Васильев). Таким образом, «дуализация» подчеркивает радикальность произошедших с объектом изменений. Примечательно психо-физическое единство человека в этом отношении: как внешние, так и внутренние изменения индивида могут сделать его *непохожим* на прежнего, *неузнаваемым* и *чужим*: *Но я люблю тебя не в теперешнем твоём богатстве и блеске... Мы теперь и не узнали бы друг друга при встрече... сколько лет мы не видались! Ты мне все представляешься тем **Виктором**, с которым мы выросли вместе, с которым мы играли в куклы... Я люблю в тебе прежнего Виктора, моего маленького брата...* (И.И. Панаев). Впрочем, за описанием внешних трансформаций часто скрываются именно внутренние, сущностные преобразования. Не случаен и параллелизм в употреблении дейктического *тот* и прилагательного *прежний* для маркирования привычного, хранящегося в памяти, образа (мы продолжаем говорить об «образе», поскольку объект остается неизменен), который в контексте «растождествления» через уподобление становится параметрическим, относительно него фиксируются изменения индивида¹. Показательно, что в примерах выше возможна замена *тот* на *прежний*².

Рассмотрим для сравнения некоторые примеры употребления ИС с фазисными прилагательными (*прежний*, *тогдашний*) и актуализируемые этими сочетаниями противопоставления: *Когда кончился **прежний Володя** и начался новый? Важно было найти эту черту в прошлом и по ней отрезать. По ту сторону – **прежний Володя**. Его я люблю. По эту сторону – **новый**. Его следовало ненавидеть* (И. Грекова). *Прежний* образ не всегда удается четко отграничить от *нового*, а разные ипостаси одного индивида могут даже вызывать противоположные чувства (любовь и ненависть). Способность «начинаться» и «кончаться», с одной стороны, создает идею динамичного, континуального восприятия индивида, а с другой – в совокупности с желанием найти черту, которая бы обозначила пределы, границы *преж-*

¹ К заключению о «параметрическом» функционировании ИС Л.И. Василевская приходит иным путем, анализируя употребления типа *Он (второй, новый, современный и т.д.) Шекспир*. «Параметрическими», таким образом, признаются ИС, которые в позиции предиката эксплицируют некоторый эталонный признак, лежащий в основе сопоставления двух личных имен, соответственно в позиции субъекта и предиката [Василевская, 1979, с. 146].

² Что, между прочим, является еще одной причиной рассматривать ИС в составе ИГ с *тот* как обращенное и на референт и на его признаки. Ср. наблюдения А.Д. Шмелева над употреблением слова *прежний*, в частности с ИС [Шмелев, 2002, с. 41–42].

него и нового Володи – тенденцию к концептуализации образа индивида в некоторой целостности, законченности. Свойство нашего мышления оперировать образами и необходимая дискретность последних, ср.: «Конец или предел является необходимой психологической опорой для восприятия любой данности» [Лебедева, 2000, с. 93], по-видимому, и обуславливают нашу фигуральную репрезентацию изменений индивида в виде «дуализации», смены образов.

В следующем примере маркирование получает не прежняя, а актуальная, новая ипостась индивида, которая характеризуется как *чужая*. А универсальное семиотическое противопоставление ‘свой’ и ‘чужой’ в русской культуре, как известно, связано с ценностной характеристикой, где ‘чужое’ оценивается отрицательно: *А все-таки саднило: получалось, что с теперешней Риммой они чуть не чужие? Может, и с Зиной так будет, когда встретятся? Может, и Павел теперь другой?* (И. Ратушинская). А также: *Передо мной стояла какая-то чужая женщина с изможденным лицом, в которой мне с трудом удалось узнать прежнюю розовощекую Миру – так изменились ее черты. От нашей симпатичной подруги ничего не осталось – это была другая Мира, исхудавшая, измученная* (И.А. Архипова)¹.

Человеку свойственно меняться, особенно под влиянием ситуаций или событий, выходящих за рамки обычного, и воспринимающий субъект фиксирует это. Для описываемых употреблений характерны придаточные типа *которого все знают, любят, помнят* и т.д., которые отсылают к общему для большого круга людей знанию об объекте: *Его привели в наручниках. Он был совершенно не похож на того Сашу Варламова, которого все знают и помнят* (Интернет-источник); *Вдруг я увидела, что он теряет себя. Я увидела, что нет того Спивакова, который выходил на сцену, и скрипка начинала петь. Я вдруг услышала, что скрипка скрипит, что пальцы дрожат, что смычок – жесткий. И сам он стал чужим* (С. Спивакова). В последнем примере в определенном смысле имплицитруется, что *Спиваков-то есть, но он*

---

¹ Описанные употребления принципиально отличаются от таких, когда прилагательные *сегодняшний, вчерашний, новый, теперешний* и под. сочетаются с коннотативно окрашенными ИС, внося при этом значение временной координации признака (признаков), связанного в данным ИС, ср.: *«Новый Гоголь явился!» – раздавалось повсюду* (И. Золотусский); *Нынешние Раскольниковы не убивают старух процентщиц топором, но терзаются перед той же чертой: переступить?* (Ю. Трифонов); *Колонию мы эту потеряли во многом благодаря Сукарно, который был своего рода тогдашним Нельсоном Манделой. Освободителем. Нас же всю жизнь учили, что Сукарно – нацист, новый Гитлер...* (В. Молчанов). Эти и другие сочетания коннотативно окрашенных ИС с прилагательными рассматриваются, например, в [Василевская, 1979; Фролова, 2006].

уже не тот, другой. Ср. также гипотетическую «дуализацию» при альтернативном развитии событий: *Как личность Галина Павловна – гигант. Не было бы Вишневецкой, не было бы, наверное, сегодня того Ростроповича, который есть* (С. Спивакова). Иначе говоря: *Без Вишневецкой был бы другой Ростропович / Ростропович был бы другим. Существовал бы тот же человек, но уже с другими качествами.* Личность Ростроповича как бы «раздваивается» на Ростроповича реально-го с определенными признаками и на Ростроповича воображаемого, качественно отличного. Референциальный компонент здесь ослабевает, вплоть до полного исчезновения, на первый план выходит признаковый компонент семантики ИС.

На основании сказанного выше сделаем некоторые предварительные выводы. «Дуализация единичного» подчеркивает радикальность преобразований объекта; производится непосредственно воспринимающим субъектом и реализуется через оппозицию *этот – тот*, которая, вообще говоря, является одним из множественных представлений противопоставления *свой – чужой* [Пеньковский, 2004, с. 13]. Важно отметить, что говорящий и воспринимающий субъект совпадают в одном лице, при этом воспринимающий субъект разделяет пространственно-временные координаты с субъектом восприятия. Таким образом, выстраиваются следующие параллели: непосредственно наблюдаемый, актуальный (*этот, теперешний, новый*) образ оценивается как ‘чужой’ с соответствующими смысловыми импликациями («не мой», «далекий», «не знакомый», «другой»); вызываемый в памяти (*тот, тогдашний, прежний*) образ оценивается как ‘свой’ («близкий», «знакомый», «понятный»).

Далее мы покажем, что в определенных ситуациях «дуализация» может подчеркивать не только радикальные изменения, но и эпизодические проявления. Такие ситуации назовем условно ситуациями «смены сценария». Например: *Он мгновенно вырубился, совершенно умиротворенный и впервые после тюрьмы почувствовавший себя тем Андреем Быковым, каким он был до этой непонятной истории с «Крестами», его странного ареста и такого же странного освобождения* (А. Рыбин). Возвращение в прежнее состояние, главным образом, символизирует нормализацию ситуации. Воспринимающим субъектом в предложении является уже не говорящий, а герой повествования, однако, его ощущения описываются с использованием фразеологии говорящего (автора, наблюдателя), ср.: *«почувствовавший себя тем Андреем Быковым, каким он был ...»*. Таким образом, в лице героя совпадает воспринимающий и воспринимаемый субъект, что ослабляет

противопоставление по линии 'свой' – 'чужой', смещая акцент на восприятие ситуации в целом. Например, погружаясь в работу, человек словно переходит из реального (этого) мира, с его заботами и переживаниями, в мир иной, мир творчества: *Михайлов работал, крепко сжав зубы, дыша тяжело и редко. Он уже не был тем Михайловым, который имел массу переживаний, настроений и чувств, мог смеяться, пить, говорить. Вся сила его души ушла в воспалившиеся от напряжения, то странно шурящиеся, то широко открывающиеся глаза, в которых что-то горело и двигалось* (М.П. Арцыбашев). Для повседневной жизни такие эпизодические перевоплощения весьма обычное явление, достаточно сменить «домашний» сценарий на «рабочий». В последних двух примерах ИГ *тот ИС* употреблена в творительном падеже, который, как известно, коррелирует с преходящим состоянием личности, ее эпизодическим воплощением [Арутюнова, 1976, с. 324].

До сих пор мы рассматривали такие случаи, в которых невольные трансформации индивида фиксируются в виде двух отличных образов. Однако возможны ситуации вольного, контролируемого перевоплощения, если речь идет о сценическом образе: *Но и в том, и в другом случае я волей-неволей перевоплощаюсь в того Кио, от которого ожидают чуда. В образе человека, в чье всемогущество большинство готово поверить, я чувствую себя комфортнее, хотя и ответственнее...* (И.Э. Кио). С описанной выше сходна ситуация «публичного образа», особенно актуальная для общественных деятелей, политиков. Такой образ нестабилен, чувствителен к потрясениям, но его можно восстановить (*снова стать, сделаться*): *Во всяком случае, очень скоро его железная воля возьмет верх над потрясением и он снова станет тем Сталиным, каким его привыкли видеть* (А. Чаковский); *Он уже не сидел со скучающим видом, глотая минеральную воду. Кардашев бегал, командовал, приказывал – то есть сделался тем Кардашевым, слава о котором гремела* (Т. Моспан). Заметим, что дейксис в любом случае маркирует ожидаемое, привычное.

Анализ второй группы примеров позволил установить следующие переменные относительно предварительно сделанных выводов: говорящий не обязательно совпадает с воспринимающим субъектом; «дуализация» может контролироваться самим объектом (ситуация «сценического» или «публичного» образа) и указывать на эпизодические состояния объекта (ситуация «смены сценария»). В этих условиях личной «непричастности» говорящего сопутствующая «дуализации» семантика отчуждения ослабевает, в фокус внимания попадают либо свойства индивида, либо ситуация в целом.

Следующая группа примеров иллюстрирует совершенно иные контексты. Как уже отмечалось, ресурс «дуализации» хорошо работает на характеристику, когда неизвестное определяется через известное. «Раздвоенное» отражение объекта характерно для персонажей, достигших известности на определенном жизненном этапе, когда вся предыдущая история пропускается через призму будущих достижений: *Но и Цезарь 60-х годов, когда карьера его начала бурно развиваться, был еще не тем Цезарем, дружба с которым могла возвысить далекого провинциала* (В. Отрошенко). Для описываемых контекстов характерны антонимичные частицы *уже, еще*, предикаты, привносящие фазисные оттенки (*стал*, а также градуированное – *становясь все более*), творительный падеж ИГ *тот ИС*, то есть компоненты, способствующие созданию динамичного образа объекта, будто еще не дошедшего до «конечного» пункта своего назначения: *Солженицын стал тем Солженицыным, каким мы его знаем, лишь в годы заключения* (В. Сердюченко). Примечательно, что качества индивида в его статусе знаменитости принимаются за истинную сущность, которая и становится эталонной: *А вот для истории Черчилля это было еще началом. И возвращался, и уходил он еще не раз, с каждым разом становясь все более собой – тем Черчиллем, без которого не обойдется уже никогда ни один учебник истории* (А. Зубков). «Публичный образ» может стать доминирующим даже для своего референта: *«И он пытался представить себя таким, каким он был в детстве, в ранней юности, но это давалось ему с трудом: слишком прочно и глубоко залегли – и слишком значительны для него были – напластования последующих лет, когда он был уже тем Левинсоном, которого все знали именно как Левинсона, как человека, всегда идущего во главе* (А. Фадеев).

Очевидно, что ретроспективная оценка исключает сопричастие говорящего и субъекта оценки. Более того, говорящий оперирует уже не восприятием, а знанием об объекте («знающий субъект»). Рассмотрим более сложный случай, когда говорящий является одновременно и «знающим» и воспринимающим субъектом, однако эти роли разведены по разным временным планам. «Знающий» субъект в точки зрения настоящего дает контрастную характеристику объекту через его отнесенность к прошлому (*стал уже не тем*) и к будущему (*еще не тем*): *Для меня очередной нарком НКВД стал уже не тем Берией, каким я воспринимала его в Грузии, но, пожалуй, еще и не тем извергом, каким он был в действительности, о чем я узнала в дальнейшем из многочисленных рассказов и воспоминаний людей, столкнувшихся с ним на следствии* (А. Ларина).

В заключение обобщим сказанное. Сочетание ИС с дейксисом возможно для разного типа ситуаций. Во-первых, в контексте тезоименности ИГ *тот ИС* служит дополнительной индивидуализацией, уточняя координаты нужного референта. ИС в сочетании с *тот* может также указывать на слабую закрепленность референта в базе знаний одного из собеседников.

Во-вторых, дейктический комплекс *тот ИС, который / какой / что ...* за счет актуализации дейксисом (*тот*) таких прагматических компонентов, как известность, удаленность и ожидаемость, функционирует как один из способов «дуализированного» представления объекта, когда тот «расщепляется» на новое (неузнаваемое) и старое (хорошо знакомое). Этот прием служит фигуральной репрезентации произошедших с объектом изменений, которые могут быть радикальными и эпизодическими, неконтролируемыми и контролируемыми. Радикальные неконтролируемые преобразования актуализируют ценностное противопоставление и семантику отчуждения. Вообще говоря, семантика отчуждения предполагает вхождение субъекта восприятия в личную сферу говорящего. Для эпизодических перевоплощений, неконтролируемых или контролируемых, говорящий (повествователь) располагает пассивной ролью наблюдателя. Он эмоционально не задействован, в силу чего ценностное противопоставление ослабевает. ИС с общеизвестными дополнительными коннотациями в сочетании с *тот* образуют особый тип предложений, где ИГ *тот ИС* актуализирует уже не прежний (близкий, знакомый) образ объекта, а актуальное знание о нем. Подобные контексты ближе к характеризующим. Таким образом, в любом из описанных случаев дейктическое *тот* в сочетании с ИС маркирует параметрический или эталонный образ объекта. Учет прагматических значений позволяет более точно описать контексты и критерии, допускающие те или иные функционально-семантические трансформации ИС.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Василевская Л.И. Синтаксические возможности имени собственного // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Вендлер З. Сингулярные термы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.
- Иомдин Б.Л., Бердичевский А.С. А кто этот *этот*? Имена собственные и неопределенная определенность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.

М., 2006.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965.

Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.

Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.

Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1979. Т. 38. № 4.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.

Подольская Н.В. Собственное имя // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.

Фролова О.Е. Прецедентный антропоним в функции семантического предиката // Вопросы ономастики. 2006. № 3.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова: Значение, коммуникативная перспектива. Прагматика. М., 1996.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

УЧАСТИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МОРФЕМ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

А.И. Дьяков

Ключевые слова: аналитизм, словообразование, английские аффиксы, английские морфемы, заимствованное слово, заимствование, язык-донор, язык-реципиент.

Keywords: analitism, word-formation, English affixes, English morphemes, loan-word, borrowing, donor language, recipient language.

Английские морфемы (корни, аффиксы), повторяясь в языке-рецепторе, способствуют тому, что русскоязычным сознанием они вычленяются в качестве строительного материала для создания новых «русских» слов. Несмотря на регулярность некоторых давно адаптированных морфем в составе англицизмов, многие лингвисты считают, что они не входят в словообразовательную систему русского языка. Например, В.П. Григорьев полагает, что словообразовательная активность морфем заимствованных слов обычно не оживает в языке-